

смерть сына, Мономах, князь гордый, направил Олегу исповедально-покаянное письмо. Он с готовностью прощает Олега, признавая неправоту сына в захвате его владений: «Дивно ли, если муж пал на войне? Умирили так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить».

Мономах не только прощает Олега, но и сам просит у него прощения за прежние обиды, за то, что не по праву занял Чернигов, «отчий стол» Олега: «Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, потому что я человек». У Владимира Мономаха самосознание ищет опору и высшую судебную инстанцию в самом себе. Христианское всепрощение соединяется с испепеляющей требовательностью к себе: «Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь... но душа своя мне дороже всего света сего. На Страшном суде без обвинителей сам себя обличаю».

Проникновенны и те строки письма, в которых Мономах просит отпустить к нему вдову своего сына, «ибо нет в ней ни зла, ни добра», он хочет обнять сноху и оплакать смерть ее мужа: «...ибо не ни дел я их первой радости, ни венчания их... Ради Бога, пусти ее ко мне поскорее и первым посланцем, чтобы, поплавав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя...».

Общество может стоять только на началах добра — это убеждение литература пронесла через века.

Здесь время сказать о том, что между этическими идеалами, которые отстаивала древнерусская литература, и конкретной жизненной реальностью существовало глубокое расхождение. Русь проходила те же стадии развития от варварства к цивилизации, что и другие народы Европы. Средние века в ее истории, как и в истории других европейских стран,— суровая эпоха. Именно такая эпоха породила силу нравственно-этических идеалов. Они